

рали для России могут быть превосходящие человека в его субъективном жизненном мире, причащающие к политике как реализации всеобщего блага традиционные смыслы справедливости, долга, служения, солидарности, ответственности, государства. *Это холистская мораль, ориентированная на «доброто человека», тем не менее, способного на конфликт во имя своих политических интересов.*

Выход из морального коллапса Модерна видится в отказе от поиска неизменных метафизических моральных универсалий и императивов. Общественная мораль должна быть не воспроизводством неких моральных канонов, которым приписывается вневременная универсальность, а трансценденцией партикулярных социальных позиций, которые *могут быть* универсальны «здесь и сейчас». Основания морали могут быть выведены только из самого общества, а не приписаны ему с неких универсальных позиций, сама претензия на которые свидетельствует лишь о попытке гегемонии, сокрытии неких ограниченных интересов.

Идентичность вместо сущности: фрагментация привычных универсалий

Популярное понятие «идентичность», введенное в активный оборот общественных наук в последние десятилетия, совсем не случайно не имеет категориальной ясности. Находясь в новомодном ряду терминов, таких, например, как «дискурс» и «менталитет», оно может обозначать в различных контекстах практически все что угодно. Содержание понятия идентичность пересекается с таким смысловым рядом как аутентичность, подлинность, самость, (само-)удостоверяемость, самоопределение, тождественность самому себе. Собственно, на латыни исходное понятие «*identitas*» и означало «тождественность».

Представляется, что идентичность призвана являться одним из механизмов упорядочения, пространственно-временного движения содержания социальной реальности. В основе идентичности лежат механизмы различения и отождествления. Идентичность возникает из сравнения Я и Другого, Мы и Они. При этом Другой-Иной может априорно определяться и как Враг, и как Друг. Идентичность призвана свидетельствовать об определенном онтологическом и воображаемом статусе субъекта, будь то индивидуальное или коллективное Я. Сам процесс идентификации является функцией самоописания, самоопределения, вольного или невольного обретения субъектности тем, кто идентифицируется. Особенность этой субъектности в том, что она имеет субъективно-ролевой, функциональный, сконструированный характер.

Идентичность как проблема возникает именно тогда, когда она перестает быть самоочевидной и начинает, как нечто самостоятельное, отслаиваться от социально-онтологических сущностей. Идентичность возникает путем проведения мыслительных границ, которые затем становятся реальностью и часто продолжают жить собственной, автономной от первоначальных денотатов жизнью. Актуальное состояние пост-Модерна обнаружило факт разрыва между исконными социокультурными сущностями, представлявшимися в традиционном обществе неизменными и вечными, и социальными идентичностями. Сущность из метафизически неизменной становится контекстуальной, контекст определяет денотат, содержание. Более того, субъективно-ролевая по своей сути идентичность начинает претендовать на место всех былых социально-политических сущностей, связанных с принадлежностью к этносу, классу, государству. Данная тенденция иллюстрирует тот факт, что неизменные сущности в современном быстротекущем мире становятся

все большим дефицитом. Идентичность оказывается не тем, чем является субъект на самом деле, но лишь ролью, тем, чем он хочет казаться. Отсюда возникает возможность произвольной смены идентичности, которая больше не тождественна сущности.

Идентичность есть субститут сущности в состоянии пост-Модерна. Сущности-идентичности отрываются от своих привычных, неизменных материй и получают автономное существование. Из подобного отрыва, например, вырастает вся современная гендерная проблематика, когда сущность биологического пола превращается в идентичность гендерного конструкта, сущность этноса – в мультикультурную идентичность, а классовая сущность трансформируется в нечто вроде «стиля жизни». При этом идентичности, заменив собой классовые и иные «сущности», оказывают не меньшее влияние на представления о социальной реальности.

Достаточно вспомнить и о настойчивых поисках российскими социологами и политологами «среднего класса» в России. В целенаправленном конструировании «должного общества» идентичность среднего класса настойчиво приписывается всем кому только возможно, всем, кто согласен (или молчаливо «не против») примерить на себя эту роль-сущность-идентичность. Отсюда возникает эффект гипосташирования, когда политическим «универсалиям» умозрительного порядка приписывается реальное существование. Таким образом, опираясь на «объективную самооценку», «свободу выбора» и аморфные критерии человек охотно приписывает себя к престижной (нормальной) в его глазах идентичности. В результате, идеологический фантом становится статистически весомым и репрезентативным.

Идентичность превращается в политическую проблему именно тогда, когда становится возможным ее выбирать и менять. В сословном и даже классовом обществе, не говоря уже о кастовом, идентичность в условиях «статич-

ной» социальной реальности передавалась из поколения в поколение. В современности на месте четко стратифицированных исторических общностей, сохраняющих устойчивое единство образа жизни, взглядов, целей и ценностей, возникают новые сложносоставные сообщества. Они описываются сквозь призму концептов «гибридной», множественной, смешанной идентичности, теории «среднего слоя», «общества потребления», «информационного общества», «общества двух третей», с весьма размытыми и условными механизмами идентичности.

Идентичность как проблема возникает во время перемен, в ситуации, когда требуется объединить новой синтетической идентичностью традиционные «самоочевидные» идентичности, создать новое социокультурное коллективное Я, например ту же нацию-государство. С другой стороны любой переход от традиционного общества к обществу современному, а затем и к пост-современному, сопровождается взрывом новых идентичностей, которые фрагментируют общество, акцентируясь на частных и особенных интересах в противовес всеобщему. В результате современные синтетические идентичности, как правило, многосоставны. Например, идеальная «российская идентичность» опирается на целый комплекс критериев и символов, таких как язык, история, территория, культурная традиция, общая мифология, религиозная картина мира, общность происхождения, обычаи и т.д. Соответственно определение достаточного набора признаков, а также выделение базовых и второстепенных параметров «российской идентичности» превращается здесь в отдельную и весьма серьезную проблему.

Идентичность=габитус=ментальность

В современном сложно устроенном обществе возникают не менее сложные иерархии идентичностей. Напри-

мер, Д. Драгунский выделяет пять уровней национальной идентичности: инфраструктурный (уровень быта – пути сообщения, телекоммуникация, финансовая система, розничная торговля – все то, что создает повседневный динамический стереотип); институциональный (право, нормы поведения, образование, церковь и т.д.); уровень повседневности (устоявшиеся социальные, семейные, индивидуальные практики); ценностный (идеологический) и ментальный (духовный)¹. Иными словами, комплексная идентичность распространяется на все сферы человеческого существования, охватывая закономерности в индивидуальном и социальном действии, поведении и мышлении.

Подвижность и изменчивость социального кода идентичности облегчает ее целенаправленное конструирование, создание новых идентичностей. Сама возможность выбирать идентичность опирается на апологию освобождения, используемую в первую очередь как средство легитимации интересов меньшинств. Освобождение предстает как реализация или восстановление идеи социальной справедливости. Но свобода и освобождение — не одно и то же. Если все граждане могут быть одинаково свободны в рамках нацигосударства, то освобождение, как правило, выливается в требование компенсации одним (пострадавшему меньшинству) за счет других (виновного большинства), порождая неравенство в виде так называемой «позитивной дискриминации» (образовательные и рабочие квоты для меньшинств), политических привилегий «коренным народам» и т.п.

Освобождение здесь трактуется как приобретение независимости от «принудительных» идентичностей высокого порядка, якобы закрепощающих и ограничивающих свободу, в пользу идентичностей более низкого по-

---

¹ *Драгунский Д. Пять уровней идентичности // <http://antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm>*

рядка, основанных на частных и особенных интересах. Соответственно тотализирующие идентичности, предполагающие универсальность применения и равенство всех людей, рассматриваются в негативном ключе. В этическом аспекте ассимилирующие идентичности вообще трактуются как принцип зла. Апология новых «мультикультурных» идентичностей обычно опирается на религиозную идею спасения, переинтерпретированную Просвещением в идею свободы (эмансипации), которая связана с вполне посюсторонними коллективными интересами, ценностями и институциями.

С другой стороны, риторику идентичности пытается освоить и большинство. Как правило, она выливается в беспомощные попытки властвующей элиты заигрывать с меньшинствами, смягчать и «заговаривать» реальные социально-политические конфликты и противоречия в обществе. Здесь очевидные политические претензии и интересы новых меньшинств обычно сводятся к абстрактным теориям толерантного сосуществования разных групп, идеологии мультикультурализма, поиску консенсуса как главной ценности, демагогическому удержанию «различий внутри единства» (А. Этциони) и т.д. Тем не менее, аморфные «благие пожелания» элит не только не препятствуют, но скорее способствуют тому, что групповые идентичности меньшинств в современных обществах постоянно размыывают общую идентичность, то есть базовое социокультурное ядро наций-государств.

Опыт стран ЕС, США, России, Индии и других доказывает практическую несостоятельность идеологии «плавильного котла», которая постепенно отходит в прошлое. Ассимиляция меньшинств остается недостижимой мечтой стран «первого мира», а борьба субкультур в мультикультурном обществе за нормативность наоборот становится все острее. Более того, в политической сфере

проблема идентичности сегодня используется как первый шаг в легализации социально-политических проблем и конфликтов, которые пока не могут быть высказаны в силу тех или иных причин на приемлемом в данном обществе языке. Речь идет о признании прав, привилегий и символическом капитале различного рода меньшинств (иммигранты, языковые, конфессиональные, сексуальные и нацменьшинства), для которых дискуссии об идентичности являются пробным камнем последующих политических претензий. Синтетические идентичности высокого порядка в силу ряда причин оказываются неспособны переварить и простроить идентичности более частного порядка, разрушающие их изнутри. Общие смыслы, институты, структуры и практики, составляющие социокультурное ядро общества, все чаще не без помощи постмодернистских теорий, отрицающих универсальное, попираются частными интересами.

Интеграция распадающегося Модерна: к новым иерархиям ценностей

Дискредитация теорий современных обществ как «идеологических» и «классовых» обусловила необходимость поиска новых структурно-ролевых идентичностей. Очевидным трендом является кризис синтетических идентичностей (нация-государство, класс, идеология, цивилизация) и эффективность идентичностей более мелкого порядка. Актуальный конфликт идентичностей обостряется на общем фоне принципиальных споров ассимиляционистов и мультикультуралистов. Ассимиляционисты пытаются выстроить универсальную иерархию идентичностей различного уровня в зависимости от выражаемых ими интересов (всеобщих, групповых, частных). По их мнению, единственным выходом из ситуации борьбы идентичностей может